

Япония: социальная мобильность и социальные барьеры

И. П. Лебедева

Аннотация

В статье рассматривается вопрос о том, насколько жесткой является система социальной стратификации в Японии, возможно ли передвижение людей из низших страт в более высокие и какие факторы облегчают или, наоборот, осложняют это передвижение. Основное внимание уделяется проблеме межпоколенческой мобильности, по которой можно судить о том, становится ли общество более справедливым, происходит ли наследование социально-экономического неравенства или, наоборот, существуют возможности для его смягчения в последующих поколениях.

Факторы, способствующие социальной мобильности, и, наоборот, сдерживающие ее, рассматриваются по трем параметрам социальной стратификации — уровню дохода, социальному статусу, уровню образования. Рассматривается также вопрос о влиянии института брака на социальную мобильность. В статье показано, что хотя жизненные пути людей, принадлежащих к разным стратам, складываются по-разному, тем не менее, японское общество обладает институтами, позволяющими человеку преодолеть влияние «обстоятельств рождения» и подняться вверх по социальной лестнице.

Перераспределение доходов через систему социального обеспечения и налогообложения, а также относительно небольшой разрыв в оплате труда работников разного уровня квалификации позволяют удерживать неравенство по доходам на уровне, поддерживающем социальную мобильность по доходу. Сдвиги в профессиональной структуре занятых в направлении повышения доли более престижных профессий и значительный рост абсолютного числа обладателей этих профессий создают объективные условия для передвижения тысяч молодых людей в более высокие статусные группы.

Демократизация системы образования, облегчение доступа молодых людей из разных социальных страт к хорошему образованию предоставляют шансы продвинуться вверх по социальной лестнице все большему числу молодых японцев. Наконец, демократизация института брака, проявлением которой стало повышение значения при выборе партнера уровня его образования и отход на второй план вопроса о его социальных корнях, также способствовала подвижности социальной структуры. Отмечая эти положительные перемены, автор в то же время выделяет факторы, сдерживающие социальную мобильность, главным из которых считает сохранение иерархичной структуры японской системы школьного и университетского образования.

Ключевые слова: социальная структура, социальная мобильность, неравенство, доходы, статус, образование, брак.

Автор: Лебедева Ирина Павловна, доктор экономических наук, главный научный сотрудник Центра японских исследований Института востоковедения РАН (103031, Россия, Москва, ул. Рождественка 12).

E-mail: iplebedeva2019@mail.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Japan: Social Mobility and Social Barriers

I. P. Lebedeva

Abstract

The article examines the question of how rigid the system of social stratification is in Japan, whether it is possible for people to move from lower strata to higher strata, and what factors facilitate or, conversely, complicate this movement. The main attention is paid to the problem of intergenerational mobility, which can be used to judge whether society is becoming more equitable, whether there is inheritance of socio-economic inequality or, conversely, whether there are opportunities for its mitigation in subsequent generations.

The factors contributing to social mobility, and, conversely, constraining it, are considered by three parameters of social stratification — income level, social

status, level of education. The issue of the influence of the institution of marriage on social mobility is also considered. The article shows that, although the life paths of people belonging to different strata develop differently, nevertheless, Japanese society has institutions that allow a person to overcome the influence of “birth circumstances” and climb up the social ladder.

The redistribution of income through the social security and taxation system, as well as a relatively small wage gap between workers of different skill levels, make it possible to keep income inequality at a level that supports social income mobility. The rise of the share of more prestigious professions in the professional structure of the employed and a significant increase in the absolute number of those who have these professions create objective conditions for the movement of thousands of young people to higher status groups.

Democratization of the education system and easier access of young people from different social strata to good education raise the chances to move up the social ladder for an increasing number of young Japanese. Finally, the democratization of the institution of marriage, the manifestation of which is an increase in the importance of the level of education when choosing a partner and the lower importance of the question of their social roots, also contributed to the mobility of the social structure. Noting these positive changes, the author, at the same time, highlights the factors constraining social mobility, the main of which is the preservation of the hierarchical structure of the Japanese school and university education system.

Keywords: social structure, social mobility, inequality, income, status, education, marriage.

Author: *Lebedeva Irina Pavlovna*, Doctor of Sciences (Economics), Chief Researcher, Center for Japanese Studies, Institute of Oriental Studies of RAS (12, Rozhdestvenka Street, Moscow, Russia, 103031).

E-mail: iplebedeva2019@mail.ru

Conflict of interests

The author declares the absence of the conflict of interests.

Введение

В плане социальной организации современная Япония представляет собой структурированное общество, состоящее из нескольких страт. Граждане, принадлежащие к той или иной страте, различаются между собой по уровню текущего дохода, размерам накопленного богатства, уровню образования, престижности профессии

и социальному статусу. Эти различия приводят к социальному неравенству, т.е. к неравенству в доступе к тем благам, которые может предложить своим гражданам экономика XXI века.

Мне уже приходилось писать об особенностях социальной стратификации в Японии и о проблемах, связанных с социальным неравенством¹. В данной статье будет рассмотрен еще один аспект этой темы — вопрос о том, насколько жесткой является система социальной стратификации в Японии, возможно ли передвижение людей из низших страт в более высокие и какие факторы облегчают или, наоборот, осложняют это передвижение. Иными словами, речь пойдет о социальной мобильности и социальных барьерах в современной Японии.

В качестве отправной точки анализа приведем схему социальной стратификации современного японского общества из упомянутой выше статьи «Япония: особенности социальной стратификации».

Под социальной мобильностью понимается передвижение людей между стратами. При этом особое внимание специалисты уделяют возможностям перехода из более низких страт в более высокие, что, в свою очередь, зависит от того, насколько проницаемы или непроницаемы существующие между ними перегородки. Очевидно, что в семьях, принадлежащих к разным стратам, жизненные пути людей складываются по-разному. Тем не менее, высокоразвитые общества, подобные японскому, обладают институтами, позволяющими человеку преодолеть влияние «обстоятельств рождения» на его жизненный путь и подняться вверх по социальной лестнице.

Передвижение между стратами может происходить как на протяжении жизни конкретного человека, так и в ходе смены поколений. В первом случае мобильность называется внутр поколенческой и отражает способность индивида передвинуться по социальной лестнице в течение его жизни, во втором — межпоколенческой и отражает способность семьи подняться (или опуститься) по социально-экономическим ступеням на протяжении жизни одного или нескольких поколений. Чаще всего в центре внимания специалистов оказывается именно межпоколенческая мобильность, по которой можно судить о том, становится ли общество более справедливым, происходит ли

¹ См. Лебедева И. П. (2021) О бедности и неравенстве в Японии. *Ежегодник Японии*. С. 32–60; Лебедева И. П. (2022) Япония: особенности социальной стратификации. *Японские исследования*. № 1. С. 115–136.

- бюрократы и служащие высшего ранга, высший менеджмент компаний, владельцы крупных предприятий (1,3 млн человек) **1,8%**
 - специалисты, чиновники и служащие более низкого ранга, инженерно-технический персонал, управленцы (12,0 млн человек) **17,0%**
 - рядовые работники нефизического труда государственных учреждений и частных компаний (13,5 млн человек) **19,1%**
 - продавцы, рядовые работники сферы услуг (18 млн человек) **25,4%**
 - владельцы мелких и средних предприятий, нанимающие рабочую силу, самозанятые* (1,15 млн человек) **1,6%**
 - владельцы мелких и средних предприятий, не нанимающие рабочую силу, самозанятые** (4,1 млн человек) **5,8%**
 - фермеры, рыбаки (независимые) (2,1 млн человек) **3,0%**
 - техники, квалифицированные рабочие, бригадиры (8,7 млн человек) **12,3%**
 - работники физического труда со средней квалификацией (5,1 млн человек) **7,2%**
 - неквалифицированные рабочие (4,8 млн человек) **6,8%**
- * Самозанятые этой категории включают врачей, юристов, писателей и прочих лиц свободных профессий.
- ** Самозанятые этой категории включают домашних работников.

Схема 1. Социальная структура японского общества

воспроизводство социально-экономического неравенства или, наоборот, существуют возможности для его смягчения в последующих поколениях. При этом обычно учитываются такие параметры, как влияние дохода семьи, уровня образования отца (или обоих родителей), профессии отца (т.е. его социального статуса) на шансы детей реализовать свой потенциал.

Неравенство в доходах и социальная мобильность

Общеизвестно, что одним из показателей жизненного успеха является уровень дохода. Специалисты *World Economic Forum*, проанализировав ситуацию в 82 странах с разным уровнем экономического

развития, пришли к заключению, что существует тесная связь между неравенством в доходах и социальной мобильностью. А именно, низкая социальная мобильность консервирует социальное неравенство, а высокая степень неравенства в доходах сдерживает социальную мобильность. Сопоставив коэффициент Джини, измеряющий степень неравенства в распределении доходов между домохозяйствами, и показатели межпоколенческой эластичности по доходам, показывающие степень, в которой доход отца влияет на доход его детей, они построили так называемую кривую Великого Гэтсби (см. схему 2).

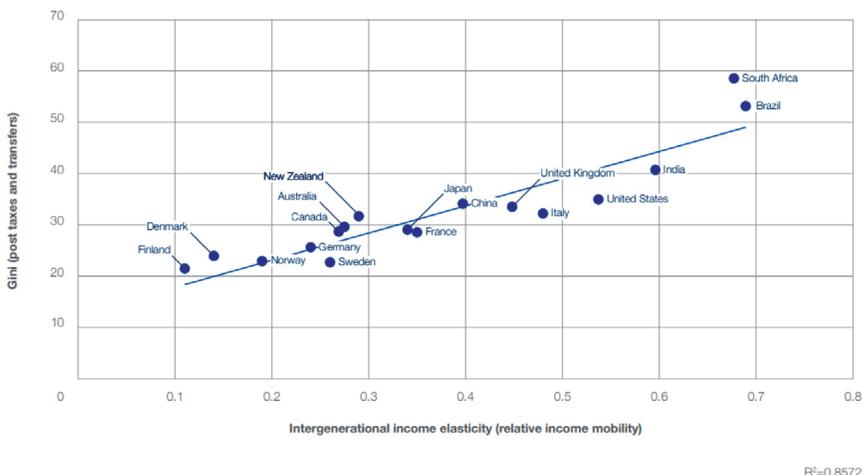

Схема 2. Кривая Великого Гэтсби

Источник: The Global Social Mobility Report 2020, p.10.

World Economic Forum

https://www3.weforum.org/docs/Global_Social_Mobility_Report.pdf

Как видно из вышеприведенной схемы, между этими двумя показателями существует практически линейная зависимость. Страны с высокой степенью социального неравенства по доходам отличаются и малоподвижной социальной структурой (высокой степенью влияния «обстоятельств рождения» на жизненный путь человека). И, наоборот, страны, более благополучные в плане распределения доходов, отличаются и более высокой социальной мобильностью (невысокой степенью влияния «обстоятельств рождения» на судьбу человека).

Япония, с коэффициентом Джини порядка 0,3 и показателем эластичности по доходам менее 0,35, примыкает к группе благополучных стран, хотя и уступает таким лидерам, как Финляндия, Норвегия, Швеция и Дания. Очевидно, что лидерские позиции этих стран в плане социального благополучия в немалой степени связаны с теми преимуществами, которые дают им относительно небольшие размеры их экономик и незначительная численность населения, поскольку при таких масштабах упорядочить социальную жизнь оказывается проще. С учетом этого обстоятельства представляется, что ситуацию в Японии, являющейся одной из крупнейших стран мира и по размерам экономики (третьей после США и Китая), и по численности населения (более 126 млн человек), можно оценить как вполне благополучную — как в плане распределения доходов между домохозяйствами, так и в плане создания условий для преодоления социальных барьеров, связанных с «обстоятельствами рождения».

Обратимся к динамике коэффициента Джини. Как известно, в Японии вследствие быстрого старения населения и снижения рождаемости происходят заметные изменения в структуре семей с точки зрения их состава и числа членов, поэтому целесообразно использовать коэффициент Джини по эквивалентному доходу, который рассчитывается с учетом числа членов семьи.

Таблица 1. Динамика коэффициента Джини (по эквивалентному доходу)*

Годы	Первичные доходы	Доходы, (включая соц. пособия) за вычетом взносов в систему социального обеспечения	Доходы за вычетом налогов	Доходы после перераспределения	Изменение коэффициента (%), в том числе:	за счет системы соц. обеспечения (%)	за счет налоговой системы (%)
1	2	3	4	5	6	7	8
2005	0,435	0,336	0,322	0,322	25,9	22,5	4,1
2008	0,454	0,343	0,327	0,319	29,7	26,2	4,7
2011	0,470	0,342	0,322	0,316	32,8	28,6	5,8

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8
2014	0,482	0,335	0,316	0,308	36,1	32,1	5,8
2017	0,480	0,340	0,319	0,312	35,0	30,8	6,0

Источник: Shotoku saibumpai cho:sa ho:kokusho 2017 (Survey on Income Redistribution 2017), p. 16. *Ministry of Health Labor and Welfare* <https://www.mhlw.go.jp/toukei/list/dl/96-1/h29hou.pdf>

* Эквивалентный доход рассчитывается путем деления дохода семьи на квадратный корень из числа ее членов.

** Результаты расчетов публикуются министерством каждые три года, но в 2020 г. обследование не проводилось.

В Японии широко распространено мнение, что формирование *gap society*, основной характеристикой которого является рост социального неравенства, началось со второй половины 2000-х гг. в результате реформ правительства Дз. Коидзуми. Однако если судить по данным Таблицы 1, усиления неравенства между домохозяйствами по доходам после перераспределения в этот период не происходило, а это означает, что не было и объективных причин для ослабления межпоколенческой социальной мобильности.

Но при этом необходимо отметить следующее. Заметное снижение темпов экономического роста, начавшееся еще в 1990-е гг. и продолжающееся, по сути, до настоящего времени, привело к ослаблению механизма внутривнутрипоколенческой мобильности по доходу. Если прежде, в условиях высоких, а затем стабильно умеренных темпов роста, на протяжении своей жизни абсолютное большинство японцев, независимо от их социальной принадлежности, ощущали значительный рост доходов и огромные улучшения в условиях жизни, то в последние два-три десятилетия ситуация изменилась.

Во-первых, произошло значительное снижение темпов роста заработной платы — основного источника дохода для большинства граждан страны. Вот как выглядела динамика среднемесячной заработной платы постоянных работников в период 1993–2020 гг. (в номинальном выражении, тыс. иен)²:

² Ro:do: keidzai hakushyo (White Paper on Labor Economy) 2014, p. 41; 2022, p. 64. *Ministry of Health, Labor and Welfare* <https://www.mhlw.go.jp/wp/hakusyo/roudou/14/14-1.html>; <https://www.mhlw.go.jp/stf/wp/hakusyo/roudou/20/20-1.html>

1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006
393	399	404	410	420	416	414	418	415	408	408	410	412	414
2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
412	402	398	402	402	402	405	409	411	415	417	424	425	418

Даже если принять во внимание, что все эти годы японская экономика переживала дефляцию, застой в динамике заработной платы налицо.

Во-вторых, хотя и сейчас японские компании в целом сохраняют приверженность принципу оплаты по старшинству (т. е. повышения заработной платы по мере увеличения стажа работника), крутизна шкалы ее возрастания заметно уменьшилась. А это означает, что и жизненные перспективы работников, связанные с расчетами на значительный рост доходов в будущем, выглядят уже не столь радужно как прежде. Например, в 1980 г. годовой доход 50-летнего служащего с высшим образованием превышал доход 22-летнего выпускника вуза в 5,58 раз, в 1990 г. — в 5,0 раз, в 2000 г. — в 4,05 раза, в 2006 г. — в 3,66 раза, в 2019 г. — в 2,64 раза. По работникам со средним образованием разница в годовом доходе 50-летнего рабочего и 18-летнего новичка в 1980 г. составила 5,04 раза, в 1990 г. — 4,91 раза, в 2000 г. — 3,94 раза, в 2006 г. — 3,62 раза, в 2019 г. — 2,21 раза³.

Но вернемся к вопросу о межпоколенческой мобильности по доходу. Авторы упомянутого выше *The Global Social Mobility Report* рассчитали такой показатель как время, которое требуется для перехода детей представителей низших страт в страту с медианными для данной страны доходами. Если обратиться к приведенной выше схеме социальной стратификации Японии, то допустимо предположить, что речь идет о том, через сколько поколений дети неквалифицированных рабочих могут передвинуться в страты, составляющие костяк японского среднего класса и представленные учеными и преподавателями, работниками нефизического труда государственных учреждений и частных компаний, владельцами мелких и средних предприятий,

³ To:kei de miru Nihon (Japan through the prism of statistics), 2008, p. 194; Basic Survey on Wage Structure 2019. *Ministry of Health, Labor and Welfare* <https://www.mhlw.go.jp/english/database/db-l/ordinary.html> Данные приводятся по «стандартным» работникам-мужчинам, т. е. тем, кто поступил на работу сразу по окончании учебного заведения и не менял места работы.

инженерами и техниками, квалифицированными рабочими и т. д. В совокупности на эти страты приходится порядка 2/3 общего числа занятых в экономике, и эта доля примерно соответствует доле тех японцев (около 60%), которые считают, что уровень доходов их семей на общем фоне может быть оценен как средний⁴. Иными словами, доходы людей, принадлежащих к этим стратам, можно рассматривать как наиболее близкие к медианному для страны доходу.

Вот как выглядят позиции Японии на фоне других государств.

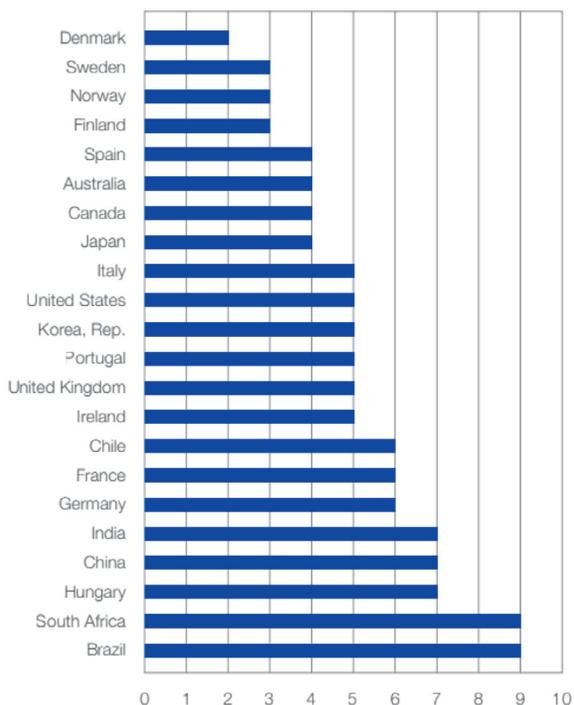

Схема 3. Через сколько поколений те, кто был рожден в низших стратах,

смогут достичь медианного для данной страны дохода

Источник: The Global Social Mobility Report 2020, p. 10.

World Economic Forum

https://www3.weforum.org/docs/Global_Social_Mobility_Report.pdf

⁴ Kokumin seikatsu ni kansuru seron cho:sa-no gaiyo: 2019 (Public Opinion Survey on the Life of the People 2019), p. 17. Cabinet Office. August 2019 <https://survey.gov-online.go.jp/r01/r01-life/gairyaku.pdf>

Как и следовало ожидать, исходя из положения Японии на кривой Великого Гэтсби, она занимает позиции, несколько менее благоприятные, чем малые страны Северной Европы, но более благоприятные, чем большинство других развитых стран. В частности, обращает на себя внимание более благополучное положение Японии по сравнению с Францией и Германией (первая тесно соседствует с ней на кривой Великого Гэтсби, а вторая занимает на ней даже лучшие позиции). Очевидно, что преимущество Японии в данном случае связано с тем, что в отличие от этих двух стран, наводненных мигрантами, в ней проживает гомогенное население, а, следовательно, на пути продвижения людей по социальной лестнице нет барьеров, ущемляющих их по признаку религиозной, этнической и культурной принадлежности.

Отсутствие межнациональных барьеров, а также влияние национальной культуры, отводящей труду, в том числе и тяжелому физическому труду, одно из самых почетных мест в системе жизненных ценностей японцев, обусловили тот факт, что различия в оплате труда между работниками, относящимися к разным социальным стратам, здесь весьма умеренны. Вот, например, каковы были в 2020 г. размеры контрактной заработной платы некоторых категорий работников, располагающихся на разных ступенях шкалы престижности профессии и, следовательно, принадлежащих к разным социальным стратам⁵:

<i>администраторы и управленцы</i>	542,2 тыс. иен
<i>профессора колледжей и университетов</i>	654,4 тыс. иен
<i>юристы</i>	648,4 тыс. иен
<i>аудиторы, финансисты</i>	520,6 — 570,2 тыс. иен
<i>дантисты</i>	594,9 тыс. иен
<i>врачи</i>	1102,3 тыс. иен
<i>пилоты самолетов</i>	1228,0 тыс. иен
<i>научные работники, лекторы</i>	462,5 — 544,4 тыс. иен
<i>доценты университетов</i>	
<i>журналисты, публицисты</i>	454,1 тыс. иен
<i>учителя средней школы</i>	431,8 — 448,5 тыс. иен

⁵ Basic Survey on Wage Structure 2020. Ministry of Health, Labor and Welfare <https://www.mhlw.go.jp/english/database/db-l/ordinary2020.html>

<i>инженеры разных специальностей</i>	328,0 — 404,0 тыс. иен
<i>актеры, дизайнеры, музыканты</i>	325,1 — 376,9 тыс. иен
<i>медсестры, лаборанты</i>	329,2 — 372,9 тыс. иен
<i>офисные работники разного профиля</i>	261,7 — 351,3 тыс. иен
<i>продавцы (оптовая и розничная торговля)</i>	254,6 — 342,8 тыс. иен
<i>воспитатели детских садов</i>	253,8 тыс. иен
<i>машинисты ж/д поездов</i>	411,0 тыс. иен
<i>водители автобусов, грузовиков</i>	297,0 — 347,4 тыс. иен
<i>строительные рабочие, крановщики</i>	316,4 — 356,8 тыс. иен
<i>работники физического труда отраслей тяжелой промышленности</i>	275,7 — 319,5 тыс. иен
<i>работники физического труда отраслей легкой промышленности</i>	205,4 — 299,4 тыс. иен
<i>работники сельского, лесного и рыбного хозяйства</i>	252,5 тыс. иен
<i>няни</i>	249,8 тыс. иен
<i>работники сферы услуг по уходу</i>	222,3 — 260,2 тыс. иен
<i>работники сферы услуг (повара, официанты, парикмахеры, косметологи, охранники и т.д.)</i>	242,6 — 269,4 тыс. иен
<i>грузчики</i>	275,8 — 358,6 тыс. иен
<i>упаковщики, уборщики, прочие неквалифицированные рабочие</i>	206,2 — 268,8 тыс. иен

Комментируя приведенные данные, прежде всего, необходимо отметить следующее. Во-первых, они не отражают всей полноты картины, так как учитывают заработную плату только «стандартных» работников. Во-вторых, в материалах обследования стаж работы и возраст работников разных профессий несколько различаются между собой, что в условиях повозрастной заработной платы не может не исказить в некоторой степени общую картину. Тем не менее, выводы, на наш взгляд, достаточно очевидны.

Во-первых, существенные различия в доходах просматриваются лишь между представителями высших и низших страт (см. Схему 1), в то время как в отношении прочих страт различия несущественны.

Во-вторых, даже если бы в Японии не фиксировалась межпоколенческая мобильность по доходу, это не вело бы к воспроизводству нищеты, так как уровень доходов низших страт (неквалифицированных рабочих) здесь вполне сопоставим с доходами групп, входящих в средний класс (продавцы, клерки, работники физического труда с высокой и средней квалификацией и т. д.).

Очевидно, что при таком распределении доходов вопрос о межпоколенческой мобильности по доходу по сути сводится к тому, в какой степени воспроизводится богатство в высших стратах и бедность — в низших стратах.

В Японии существует немало работ, посвященных этой проблеме. Обычно в качестве статистической базы в них используются материалы *The Japanese General Social Survey* — обширного обследования, проводимого раз в десять лет Институтом региональных проблем при Осакомском университете коммерции (доступ к нему требует получения специального разрешения). К сожалению, в нашем распоряжении нет работ японских специалистов, анализирующих данные последнего обследования (2015 г.), поэтому воспользуемся результатами анализа материалов обследования 2005 г., которые были опубликованы в 2008 г. профессорами Ё. Сато и Т. Ёсида.

Для целей анализа японские ученые использовали следующую методику. Они сопоставляли уровень текущих доходов респондентов с уровнем доходов их отцов в то время, когда самим респондентам было 15 лет. В качестве респондентов были выбраны мужчины в возрасте от 40 до 49 лет, т. е. в том возрасте, когда жизненный путь человека и уровень его благосостояния уже вполне определились. Доходы были разделены на четыре уровня: низкий, средний (ниже среднего уровня), средний (выше среднего уровня), высокий. Вот каковы оказались результаты расчетов исследователей (табл. 2).

Таблица 2. Межпоколенческая мобильность по доходу

Доходы отцов:	Текущие доходы респондентов				Число респондентов
	низкий	средний (ниже среднего)	средний (выше среднего)	высокий	
1	2	3	4	5	6
низкий	41	38	26	26	131

Окончание табл. 2

1	2	3	4	5	6
средний (ниже среднего)	31	40	26	19	116
средний (выше среднего)	31	30	35	28	124
высокий	22	22	42	52	138
число рес- пондентов	125	130	129	125	509

Источник: [Sato, Yoshida 2008, p. 103–104].

По материалам таблицы можно сделать следующие выводы.

Во всех группах социальные корни (в данном случае уровень дохода отца) оказывают влияние на материальное положение людей в зрелом возрасте. В наибольшей степени это характерно для группы с высокими доходами — здесь 41,6% респондентов сохранили те же позиции, что и их отцы. В группе с низкими доходами наследовали позиции отцов почти 1/3 респондентов, в группе со средними (ниже средних) доходами — соответственно 30,8%, в группе со средними (выше средних) доходами — 27,1%. Из этого можно заключить, что в период со второй половины 1970-х гг. (когда респонденты находились в 15-летнем возрасте) и до середины 2000-х гг. основными чертами модели межпоколенческой мобильности по доходам были «передача» богатства и «передача» бедности. Тем не менее, как показывают данные таблицы, представители всех групп передвигались как вверх, так и вниз по шкале доходов. В частности, выходцев из богатых семей можно обнаружить среди получателей низких доходов и, наоборот, выходцев из бедных семей можно обнаружить среди получателей высоких доходов. При этом сопоставление состава «отцов» и «сыновей» дает основания заключить, что в этот период происходило некоторое выравнивание позиций разных социальных групп за счет сглаживания полюсов и укрепления «средняков»:

	<i>доли получателей доходов (%)</i>			
	<i>низких</i>	<i>средних (ниже средних)</i>	<i>средних (выше средних)</i>	<i>высоких</i>
«отцы»	25,7	22,8	24,4	27,1
«сыновья»	24,6	25,5	25,3	24,6

Что касается последующего периода, то, опираясь на косвенные показатели, можно предположить, что, во-первых, межпоколенческая мобильность по доходу не ослабела, и что, во-вторых, она сохранила в целом прежнюю направленность. О том, что не произошло ослабления межпоколенческой мобильности по доходу позволяет судить динамика коэффициента Джини в период 2005–2017 гг. (см. табл. 1). Что же касается ее направленности, то косвенным подтверждением нашего тезиса могут служить данные опросов общественного мнения, проводимых ежегодно Канцелярией премьер-министра. Они показывают, что по сравнению с серединой 2000-х гг. к концу 2010-х гг. доля тех, кто считает уровень жизни своих семей низким, сократилась почти вдвое (до 4,2%), доля тех, кто оценивает свой уровень жизни как высокий, практически не изменилась (1,3–1,5%), а среди тех, кто относит себя к среднему классу, несколько возросла доля верхнего слоя (до 12,8%), стабилизировалась доля среднего слоя (57,7%) и несколько снизилась доля нижнего слоя (до 22,3%)⁶.

Социальный статус и мобильность

Хотя материальное положение семьи играет важную роль в определении путей социализации детей и молодежи, включая и их представления о своем месте в обществе в будущем, «обстоятельства рождения» не сводятся только к уровню дохода. Специалисты обращают также внимание и на положение семьи в социальной иерархии, которое обычно определяется по социальному статусу (профессии) ее главы.

Очевидно, что межпоколенческая мобильность по статусу может быть связана как с объективными изменениями в профессиональной

⁶ Kokumin seikatsu ni kansuru seron cho:sa-no gaiyo: 2019 (Public Opinion Survey on the Life of the People 2019), p. 17. *Cabinet Office*. August 2019 <https://survey.gov-online.go.jp/r01/r01-life/gairyaku.pdf>

структуре, происходящими под влиянием экономических процессов, так и с изменением механизма передачи профессии (статуса) от отца к сыну.

Пережив в первые послевоенные десятилетия бурные сдвиги в структуре занятости под влиянием индустриализации, японское общество затем вошло в период более мягких изменений, связанных с переходом на стадию постиндустриального развития, основными чертами которого стали сервисизация экономики и внедрение во все сферы жизни компьютерной техники, новых средств связи и информации. О том, как повлияли эти изменения на профессиональный состав занятых, можно судить по материалам табл. 3.

Таблица 3. Сдвиги в профессиональном составе занятых (1990–2020 гг.), %

Виды профессий	1990	2000	2010	2020
Специалисты*	11,0	13,3	15,3	18,2
Управленцы, администраторы	3,8	3,3	2,6	1,9
Офисные работники	18,5	19,9	19,7	20,2
Работники торговли	15,0	14,1	14,2	12,7
Работники сферы услуг**	8,6	10,6	14,0	14,4
Занятые в сельском, лесном и рыбном хозяйстве	7,2	5,1	4,0	3,1
Работники транспорта, операторы	3,7	3,5	3,5	3,2
Строительные рабочие	27,3	24,7	4,7	4,4
Производственные рабочие***			14,6	13,0
Вспомогательные рабочие****			4,4	5,5
Прочие	0,5	0,6	0,8	1,7
ВСЕГО	100,0	100,0	100,0	100,0

Рассчитано и составлено по: Japan Statistical Yearbook. 2011, table 16-4; 2014, table 16-3; 2022, table 19-3. *Statistics Bureau of Japan* <https://www.stat.go.jp/english/data/nenkan/index.html>

*В категорию «специалисты» включены инженеры, технические специалисты, преподаватели, ученые, учителя, чиновники и прочие лица с высшим образованием.

****** В категорию «работники сферы услуг» включены занятые в услугах по уходу, санитарно-гигиенической службе, сфере общественного питания и бытовых услуг населению, а также в сфере охраны порядка.

******* В категорию «производственные рабочие» включены квалифицированные рабочие, занятые на операциях, связанных с металлообработкой и прочими видами обработки, сборкой, ремонтом оборудования, контролем качества продукции и состояния оборудования и т.д.

******** В категорию «вспомогательные рабочие» включены работники с невысокой квалификацией — грузчики, уборщики, упаковщики и проч.

В абсолютном выражении сдвиги в профессиональном составе занятых выглядят следующим образом (тыс. человек):

	1990 г.	2020 г.
<i>специалисты</i>	6900	12400
<i>управленцы, администраторы</i>	2390	1280
<i>офисные работники</i>	11570	13510
<i>работники торговли</i>	9400	8480
<i>работники сферы услуг</i>	5350	9610
<i>занятые в сельском, лесном и рыбном хозяйстве</i>	4480	2090
<i>работники транспорта, операторы</i>	2330	2160
<i>строительные рабочие</i>	17050*	2920
<i>производственные рабочие</i>		8680
<i>вспомогательные рабочие</i>	2740	4810

* суммарный показатель по строительным и производственным рабочим.

Источник: Japan Statistical Yearbook. 2011, table 16-4; 2022, table 19-3. Statistics Bureau of Japan <https://www.stat.go.jp/english/data/nenkan/index.html>

Как показывают приведенные данные, общим направлением сдвигов в профессиональной структуре занятых стало повышение доли и числа людей, владеющих наиболее престижными с точки зрения социального статуса профессиями. Так, почти в два раза — с 6,9 млн до 12,4 млн — возросло число лиц, объединяемых в категорию «специалисты», представленную инженерами, техническими

специалистами, профессорами, врачами, учеными, программистами и т. д. Правда, при этом сократилась численность «высшей касты» — управленцев и администраторов (на 1 млн 100 тыс. человек). По-видимому, это стало результатом рационализации системы управления, к которой японские компании вынудили прибегнуть сложные условия «потерянных десятилетий», а также потеря работы бывшими управленцами в результате закрытия многих предприятий. В то же время почти на 2 млн увеличилась армия офисных работников (до 13,5 млн), и сейчас они представляют самый многочисленный слой работников нефизического труда. Причем среди них немало молодых людей, которые в соответствии со сложившейся практикой по окончании вуза были приняты на места обычных клерков, а по прошествии времени будут передвинуты на места специалистов или управленцев. В целом же на эти три категории сейчас приходится более 40% от общего числа занятых (в 1990 г. — 1/3), а их общая численность возросла более чем на 6 млн — до 26 млн 930 тыс. человек.

Две другие категории лиц, занятых нефизическим трудом — работники торговли и сферы услуг, — входят в одну статусную группу (см. схему 1). На волне сервисизации их совокупная доля и численность также возросли: с 14 млн 750 тыс. (23,6%) в 1990 г. до 18 млн 40 тыс. (27,0%) в 2020 г. При этом следует иметь в виду, что среди молодых женщин, занятых в этой сфере, немало закончивших *танки дайгаку* (трехгодичные университеты), т.е. имеющих достаточно высокий уровень образования.

В целом же соотношение между численностью работников физического труда и численностью занятых нефизическим трудом изменилось следующим образом: в 1990 г. на долю первых приходилось 43%, а вторых — 57%, в 2020 г. — соответственно 32,6% и 67,4%. При этом произошло не только относительное, но и абсолютное сужение сферы применения физического труда в Японии. Так, за тот же период общее число работников сократилось с 26 млн 600 тыс. до 20 млн 660 тыс., т.е. на 6 млн человек. Однако структура этого сокращения выглядит весьма парадоксально для такой высокоразвитой, высокотехнологичной страны как Япония.

Как показывают приведенные выше данные, за последние три десятилетия значительно сузилась сфера применения высококвалифицированного физического труда (т.е. труда производственных рабочих),

но при этом расширилась сфера применения неквалифицированного труда (т. е. труда вспомогательных рабочих). И если первое вполне объяснимо с учетом тех процессов, которые происходили в японской экономике в последние десятилетия, то второе, действительно, вызывает некоторое недоумение.

На наш взгляд, этому можно найти следующее объяснение. Во-первых, расширение и диверсификация потребительского спроса населения при сохранении весьма высоких требований японцев к качеству приобретаемых товаров и услуг привели к возрастанию объема операций, для выполнения которых не требуются какие-либо специальные навыки и квалификация (упаковка, доставка и т. д.). Во-вторых, представляется, что критерии неквалифицированного труда со временем меняются и что по мере все большего насыщения разных отраслей экономики машинами и механизмами операции, относившиеся прежде к сфере неквалифицированного труда, становятся более сложными, требующими определенных навыков и квалификации. Например, работа грузчика, прежде ассоциировавшаяся с тяжелым физическим трудом низкой квалификации, сейчас требует навыков управления погрузочно-разгрузочной техникой, т.е. является работой низкой квалификации только относительно других, более сложных видов работ. По-видимому, то же самое можно сказать и в отношении некоторых других видов работ.

В целом же, оценивая направленность сдвигов в профессиональной структуре занятых, можно заключить, что в последние три десятилетия в Японии существовали объективные условия для передвижения из более низких социальных страт в более высокие, и, судя по изменению абсолютных показателей, многие молодые люди воспользовались этими шансами. Но вопрос заключается в том, в какой степени социальные корни (социальный статус семьи) способствовали реализации этих возможностей или, наоборот, препятствовали этому, и как обстояли дела в стратах, размещенных на разных ступенях социальной лестницы. Иными словами, речь идет о межпоколенческой мобильности по статусу.

Межпоколенческую мобильность по статусу обычно измеряют по методике, аналогичной методике измерения межпоколенческой мобильности по доходу. А именно, респондентов опрашивают, какова была позиция в статусной иерархии их отцов, когда им (респондентам) было 15 лет.

Вот, например, к каким результатам пришел доктор А. Саннабэ, проанализировав данные упомянутых выше масштабных социологических опросов, покрывающих более чем полувековой период. В 1955 г. 43% работников-мужчин занимались той же профессией, что и их отцы, в 1965 г. этот показатель составил 24%, в 1975 г. — 18%, в 1995 г. — 7%, в 2005 г. — 10%, в среднем за 2000–2010 гг. — 10% [Sannabe 2015, p. 57].

Эти данные свидетельствуют о том, что в ходе послевоенного развития, отмеченного возникновением множества новых сфер деятельности и массовой миграцией из провинции в крупные города, происходило постепенное ослабление «привязки» людей к своим семьям и снижение степени влияния социальных корней на жизненный путь человека. Но при этом в разных странах ситуация складывалась по-разному, о чем можно судить по данным табл. 4.

Таблица 4. Структура межпоколенческой мобильности по статусу (профессии)*

Позиции отцов	Позиции сыновей								
	специалисты	управленцы	служащие	работники торговли	квалифицированные рабочие	рабочие средней квалификации	неквалифицированные рабочие	фермеры	Всего
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
специалисты	60 (45,8)	13	19	18	8	8	6	3	131
управленцы	41	56 (24,3)	38	35	37	18	3	2	230
служащие	30	36	58 (29,1)	18	24	20	8	5	199
работники торговли	23	23	26	74 (34,9)	39	15	10	2	212
квалифицированные рабочие	44	43	54	31	143 (35,8)	48	26	10	399

Окончание табл. 4

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
рабочие средней квалификации	20	29	35	18	50	58 (25,8)	12	3	225
неквалифицированные рабочие	5	3	6	3	23	20	11 (14,9)	3	74
фермеры	25	43	53	32	108	71	40	98 (20,9)	470
Всего	248	246	289	229	432	254	116	126	1940

Источник: [Sato 2017, p. 37].

Ё. Сато ссылается на расчеты японских ученых С. Мива и Х. Исида, сделанных на основе материалов The Japanese General Social Survey 2005 г.

* В скобках приведены доли сыновей-наследников профессии отцов (%).

При взгляде на таблицу, прежде всего, бросается в глаза, что наследование профессии отцов особенно распространено в высшем слое — среди лиц престижных профессий, объединяемых в категорию «специалисты», а наименьшими показателями отличаются страты, располагающиеся на нижних этажах социальной пирамиды (рабочие средней квалификации и неквалифицированные рабочие). Невысокий показатель по категории «фермеры» связан с резким сокращением доли занятых в сельском хозяйстве, происходившим в период, который охватывает обследование (вторая половина 1970-х — первая половина 2000-х гг.).

Очевидно, что высокий процент наследования профессии отца среди специалистов связан не только с влиянием семейной атмосферы, в которой они росли (круга интересов, социальных связей, уровня культуры семьи и т. д.). Среди лиц этой категории есть профессии (например, врачи, адвокаты), где наследование профессии означает и приобретение специфического капитала (в виде передачи клиентской базы, социальных связей, бренда и т. д.).

Как показывают данные таблицы, эта страта является наиболее «закрытой» в социальной структуре Японии. Тем не менее, вхождение в нее, так же, как и в страту «управленцы», вполне возможно

и для выходцев из других слоев общества, в том числе из семей рабочих со средней квалификацией и даже из семей неквалифицированных рабочих. Примечательно, что возможно движение и в обратном направлении, т.е. спуск в более низкие страты, что иногда случается и с выходцами из высших слоев общества.

Очевидно, что и в последующие годы в результате заметного повышения в профессиональной структуре доли профессий, ассоциирующихся с высоким социальным статусом (см. табл. 3), передвижение людей из более низких страт в более высокие продолжилось. А главным институтом, позволяющим людям преодолеть «обстоятельства рождения» и подняться вверх по социальной лестнице, является система образования.

Образование как фактор социальной мобильности

С точки зрения проблемы социальной мобильности вопрос о роли системы образования сводится к тому, способствует ли она выравниванию стартовых возможностей молодых людей, предоставляет ли она им равные шансы на жизненный успех независимо от того, к какой социальной страте относятся их семьи.

Тезис о значительных достижениях японской системы образования в послевоенный период уже давно стал общим местом в работах как японских, так и западных авторов. Действительно, уровень образования японской молодежи непрерывно повышался, о чем можно судить по данным табл. 5.

Иными словами, если к середине 1970-х гг. среди молодежи массовым стало полное (двенадцатилетнее) среднее образование, то к настоящему времени массовым стало уже высшее образование.

Представляется, что столь быстрое повышение уровня образования японской молодежи было связано не только с ростом потребностей экономики в специалистах более высокой квалификации. Происшедшая в послевоенный период на волне общей либерализации и демократизации общественной жизни реформа системы образования, суть которой состояла в переходе к оценке личных достижений учеников и ослаблении влияния на доступ к хорошему образованию социального положения их семей, привела к тому, что образование, действительно, стало важным фактором социальной мобильности. Основанные на примерах из реальной жизни, в обществе получили

широкое распространение представления о том, что хорошее образование — это эффективный способ достижения успеха и продвижения вверх по социальной лестнице, но для этого необходимо упорно трудиться, начиная со школы. И многие семьи, в том числе и входящие в нижние страты, стремились дать своим детям (в первую очередь сыновьям) хорошее образование.

Таблица 5. Сдвиги в модели образования и трудоустройства выпускников средней школы и высшей ступени средней школы (доли выпускников соответствующей категории), %

Годы	Выпускники средней школы			Выпускники высшей ступени средней школы		
	продолжившие образование в школах высшей ступени	устроившиеся на работу	прочие	продолжившие образование в университетах	устроившиеся на работу	прочие
1955	51,5	38,1	10,1	18,4	46,4	35,2
1965	70,6	23,3	6,1	25,4	59,4	15,2
1975	91,9	4,0	4,1	32,4	43,5	24,1
1985	93,8	2,6	3,6	30,4	39,8	29,8
1995	94,6	1,3	4,1	37,5	24,9	37,6
2005	96,4	0,6	3,0	47,2	19,1	33,7
2015	96,6	0,3	3,1	54,4	18,6	27,0
2020	95,6	0,2	4,2	55,7	17,8	26,5
2021	95,0	0,2	4,8	57,3	16,1	26,6

Расчитано и составлено по: Mombu kagaku to:kei yo:ran 2022 (Statistical Survey of the Ministry of Education and Science 2022), table 5, 7; https://www.mext.go.jp/b_menu/toukei/002/002b/1417059_00007.htm.

* категория «прочие» для выпускников средней школы включает тех, кто поступил на курсы повышения квалификации или в профессиональные училища; для выпускников высшей ступени средней школы — тех, кто поступил в *танки дайгаку* (трехгодичные университеты), на курсы повышения квалификации, профессиональные колледжи.

При этом следует иметь в виду, что в 1960-е — 1970-е гг. работу белых воротничков могли получить не только обладатели университетских дипломов, но и значительная часть выпускников школ высшей ступени, которые становились клерками на крупных и средних промышленных предприятиях, муниципальными служащими и т. д., т. е. передвигались на более высокую ступень в социальной иерархии.

В целом же весь послевоенный период был отмечен тем, что сыновья, как правило, получали более высокое образование, чем их отцы, о чем свидетельствуют приводимые ниже данные (табл. 6).

Таблица 6. Структура образования японцев (мужчин) разных возрастных групп (2017 г.)

Возрастные группы	Доля лиц, имеющих соответствующее образование, %						
	начальная и средняя школа	высшая ступень средней школы	профессиональное училище	танки дайгаку	технологический колледж	университет	аспирантура
25–29	4,0	28,2	13,5	1,3	1,4	42,0	7,6
30–34	4,6	28,5	15,5	1,8	1,2	39,1	7,6
35–39	5,1	32,6	15,2	2,0	1,5	35,2	7,1
40–44	5,4	36,0	15,6	2,2	1,5	32,9	5,1
45–49	5,9	39,2	13,6	2,2	1,5	32,2	4,3
50–54	5,1	41,9	10,2	1,9	1,4	34,6	3,8
55–59	5,2	40,7	8,4	1,9	1,4	38,3	3,3
60–64	10,6	41,5	6,9	1,7	1,5	34,1	2,7
65–69	18,5	44,5	6,2	1,5	1,3	24,2	2,1
70–74	26,4	41,5	4,4	1,6	1,1	21,7	1,7
75–79	32,9	40,0	4,6	1,9	0,9	17,2	1,3

Рассчитано и составлено по: Employment Status Survey 2017. Statistics Bureau of Japan <https://www.estat.go.jp/en/stasearch/files?page=1&layout=datalist&toukei=00200532&tstat=000001107875&cycle=0>

Поскольку еще в 1970-е гг. полное (двенадцатилетнее) среднее образование стало массовым, вопрос о роли образования в обеспечении социальной мобильности, по сути, сводится к тому, как обстоят дела в плане доступа молодежи к высшему образованию.

Хотя очевидно, что меритократический характер японской системы школьного образования, т. е. учет в первую очередь личных достижений учеников, расширил доступ к высшему образованию способной молодежи из семей, располагающихся на нижних этажах социальной пирамиды, нельзя сказать, что шансы на поступление в университеты, особенно наиболее известные, для всех были равны.

Дело в том, что параллельно с демократизацией системы образования, расширением сети университетов происходило их структурирование по степени престижности. При этом крупнейшие компании, банки и государственные учреждения при найме отдавали предпочтение выпускникам наиболее известных университетов, крупные и средние фирмы нанимали выпускников менее престижных учебных заведений, муниципалитеты и префектурные учреждения — выпускников местных университетов и т. д., все больше полагаясь при этом на рекомендации самих университетов. Постепенно между соответствующими учебными заведениями и нанимателями сложились тесные доверительные отношения, а сами молодые люди уже на стадии поступления в университет хорошо представляли, на какое место работы они могут рассчитывать по его окончании.

Однако иерархичностью отличается не только система высшего образования, но и система школьного образования, представленная школами самого разного уровня. Поступление в престижный университет в значительной степени зависит от того, какую школу высшей ступени заканчивает будущий студент. В Японии сформировалась устойчивая закономерность: выпускники наиболее престижных школ поступают в наиболее престижные университеты, окончившие школы более низкого ранга — в менее известные университеты, а выпускники рядовых школ в основном выходят на рынок труда [Tachibanaki 2010, p. 133–134].

По данным за 2021 г. общее число школ высшей ступени составило 5856, в том числе 15 в ранге государственных, 3521 — местных (муниципальных), 1320 — частных. Позиции частных школ — как в плане качества образовательных услуг, так и по доле поступающих

в вузы выпускников — постепенно укреплялись, и в 2021 г. в них обучались уже 1/3 учеников (в 1990 г. — 28,7%)⁷.

Поскольку обучение в частных школах обходится в среднем в два раза дороже, чем в муниципальных (по данным за 2018 г. соответственно 969,9 тыс. иен и 457,4 тыс. иен в год), очевидно, что на выбор школы не может не влиять уровень дохода семьи. Об этом свидетельствуют и приводимые ниже данные.

Таблица 7. Доли семей с соответствующим доходом, выбравших государственные (муниципальные) или частные школы высшей ступени (%)

Школы	Годовой доход семьи					
	до 4 млн иен	от 4 до 5,99 млн иен	от 6 до 7,99 млн иен	от 8 до 9,9 млн иен	от 10 до 11,99 млн иен	свыше 12 млн иен
государственные	19,9	24,2	24,4	17,6	8,1	5,8
частные	13,9	19,0	20,6	20,0	10,7	15,8

Источник: Kodomo no gakushu:hi ch:osa [Survey on expenses for children education 2018], Ministry of Education, Culture, Sports, Science and Technology <https://www.e-stat.go.jp/statssearch/files?page=1&layout=datalist&toukei=00400201&tstat=000001012023&cycle=0&tc>

Хотя линейной зависимости между уровнем дохода семьи и выбором школы не прослеживается, тем не менее, связь между ними очевидна. Однако на этот выбор влияет не только экономическое положение семьи, но и фактор, который социологи называют социальным капиталом. Под ним имеются в виду уровень образования родителей, положение семьи в социальной иерархии, круг общения, социальные связи и т. д. Причем, по мнению некоторых японских ученых в последние годы это влияние даже усилилось. Это связано с внесением определенных изменений в правила поступления в школы высшей ступени.

⁷ Mombu kagaku to:kei yo:ran 2022 (Statistical Survey of the Ministry of Education and Science 2022), table 7 https://www.mext.go.jp/b_menu/toukei/002/002b/1417059_00007.htm

Как отмечает профессор Т. Кария, если прежде поступление учеников в ту или иную школу зависело от оценок, которые они получали на экзаменах, то теперь принимается во внимание и их «индивидуальность, т.е. социо-культурные ресурсы, которые ученики накапливают в семье (способность к ведению дискуссии, выражению собственного мнения и т.д.). И если оценки зависят главным образом от возможностей семьи платить за *дзюку* (внешкольное обучение, нацеленное, прежде всего, на привитие ученикам навыков сдачи экзаменов), то социо-культурные ресурсы ученика напрямую зависят от социального статуса и культурного капитала семьи. И в этих условиях дети из семей с более высоким социальным статусом получают дополнительные преимущества [Kariya 2017, p. 161–163].

Таким образом, система высшего образования Японии структурирована как на «входе», так и на «выходе», и, несмотря на превращение высшего образования в массовое, нельзя сказать, что оно предоставляет равные шансы на жизненный успех выходцам из разных социальных страт. Тем более, что высшее образование — платное как в частных, так и в государственных, префектурных и муниципальных университетах, и при выборе вуза семья, конечно же, учитывает и свои финансовые возможности.

Однако ряд объективных факторов приводят к изменениям, благотворно влияющим на положение дел в сфере высшего образования.

Главной целью получения высшего образования является удачное трудоустройство — прежде всего, на место постоянного работника в крупнейшую (с числом занятых свыше 1 тыс.) или крупную (с числом занятых от 300 до 1 тыс.) компанию. За последние два десятилетия, особенно после 2012 г. на фоне общего улучшения конъюнктуры, шансы «свежих» выпускников получить такое место заметно повысились. Если в первой половине нулевых годов в крупнейшие компании трудоустроивались 25–27%, а в крупные — порядка 20%, то в 2017 г. эти показатели составили 57,8% и 18,1%, в 2018 г. — 53,8% и 23,7%. Иными словами, порядка $\frac{3}{4}$ выпускников университетов получили шанс на хороший старт. При этом произошел и абсолютный рост числа выпускников, устроившихся в крупнейшие и крупные компании: в 2000 г. их число составило 87 тыс. и 68 тыс., в 2018 г. — 339 тыс.

и 125 тыс.⁸. Это означает, что высшее образование действительно является фактором обеспечения социальной мобильности для тысяч молодых людей.

Далее, старение населения и сокращение рождаемости приводят к тому, что поступление в престижные школы высшей ступени и наиболее известные вузы, так же, как и получение высшего образования, становятся более доступными, чем прежде. Об этом позволяют судить следующие показатели.

За период 1990–2020 гг. число японских университетов увеличилось с 509 до 795 (из них 86 — государственные, 94 — местные, 615 — частные) или в 1,6 раза, а число обучающихся в них студентов возросло с 2 млн 133 тыс. до 2 млн 624 тыс., т. е. на 23%. Иными словами, темпы расширения сети университетов существенно превосходят рост числа студентов⁹.

По сравнению с началом 1990-х гг. заметно снизился такой показатель, как соотношение числа заявок на поступление от выпускников высшей ступени средней школы к числу поступивших в университеты¹⁰.

1990	1995	2000	2005	2010	2015	2020	2021
1,93	1,65	1,29	1,22	1,16	1,13	1,12	1,10

Наконец, индикатором повышения доступности высшего образования служит и сокращение числа *ронинов*, т. е. выпускников школ, не сумевших поступить в университет сразу по окончании школы и пытающихся сделать это по прошествии года, реже — двух лет. Так, в 1990 г. их насчитывалось 278 тыс., в 2000 г. — 145 тыс., в 2010 г. — 84 тыс., в 2020 г. — 69 тыс., в 2021 г. — 68 тыс.¹¹.

Очевидно, что сказанное выше характеризует ситуацию в целом. Но что касается наиболее престижных университетов (таких,

⁸ Heisei 30 nendo wakamono koyo: jittai cho:sa no gaiyo: (The situation with employment of youth 2018) *Ministry of Health, Labor and Welfare* <https://www.mhlw.go.jp/toukei/list/4-21c-jyakunenkoyou-h30.html>

⁹ Japan Statistical Yearbook 2022 table 25-/13 *Statistics Bureau of Japan* <https://www.stat.go.jp/english/data/nenkan/71nenkan/1431-25.html>

¹⁰ Mombu kagaku to:key yo:ran 2022 (Statistical Survey of the Ministry of Education and Science 2022), table 7 https://www.mext.go.jp/b_menu/toukei/002/002b/1417059_00007.htm.

¹¹ Mombu kagaku to:key yo:ran 2022 (Statistical Survey of the Ministry of Education and Science 2022), table 7 https://www.mext.go.jp/b_menu/toukei/002/002b/1417059_00007.htm.

например, как Токийский государственный, Васэда, Кэйо), то накал борьбы за поступление в них по-прежнему чрезвычайно высок, а конкурс достигает 10 человек на место. Кроме того, следует иметь в виду, что обучение на ряде факультетов (например, медицинском), стоит так дорого, что доступно лишь для выходцев из богатых семей.

Таким образом, хотя система высшего образования Японии предоставляет шансы продвинуться по социальной лестнице вверх все большему числу молодых японцев, траектории этого продвижения во многом определяются тем, к какому социальному слою принадлежат их семьи. Эти различия закладываются еще на стадии школьного образования и влияют в дальнейшем и на выбор ранга университета, и на возможности трудоустройства. Несмотря на ряд позитивных изменений, в целом как прежде, так и сейчас шансы на получение хорошего образования распределяются среди молодых людей из разных страт неравномерно и в немалой степени зависят от финансовых возможностей и социального положения их семей. Иными словами, будучи важным фактором социальной мобильности, японская система образования в то же время воспроизводит в определенной степени и социальное неравенство.

Показательно, что авторы *The Global Social Mobility Report 2020* по показателю, измеряющему влияние социально-экономического статуса семей школьников и студентов на выбор учебного заведения (PISA — *Index of Social Inclusion*), поставили Японию на 23 место среди 84 обследованных стран, в то время как по общему показателю социальной мобильности она занимает 15 место¹².

Брак и социальная мобильность

Прежде чем рассматривать вопрос о влиянии института брака на социальную мобильность, целесообразно в общих чертах охарактеризовать ситуацию с браками и разводами, сложившуюся в стране в последние десятилетия.

После взлета к началу 1970-х гг., когда брачного возраста достигли японцы, родившиеся в период первого послевоенного бэби-бума, в последующие годы число заключенных браков в стране начало

¹² The Global Social Mobility Report 2020, p. 116–117. *World Economic Forum* https://www3.weforum.org/docs/Global_Social_Mobility_Report.pdf.

почти неуклонно снижаться, а число разводов, напротив, начало возрастать (табл.8).

Таблица 8. Динамика числа вновь заключенных браков, разводов и повторных браков (тыс.)

Годы	Число вновь заключенных браков	Число разводов	Число повторных браков
1970	1029	96	115
1980	775	142	117
1990	736	158	132
2000	798	264	168
2010	700	251	179
2020	526	193	139
2021	514	188	–

Источник: Danjo kyo:do: sankaku hakusho 2022 (White Paper on Gender Equality 2022), p. 9. Cabinet Office https://www.gender.go.jp/about_danjo/whitepaper/r04/zentai/pdf/r04_tokusyu.pdf

Одновременно заметно повысилась доля неженатых мужчин и незамужних женщин. Так, если в 1980 г. к тридцати годам не состояли в браке 11,3% женщин и 31,1% мужчин, то в 2020 г. эти показатели выросли до 40,5% и 50,4%. А что касается тех, кто не смог устроить свою жизнь и к пятидесяти годам, то их доля среди женщин возросла с 4,45% в 1980 г. до 17,8% в 2020 г., а среди мужчин — соответственно с 2,6% до 28,3%¹³:

Если судить по результатам последних опросов, то вряд ли в будущем ситуация изменится в лучшую сторону. Так, среди 20-39-летних незамужних женщин не имеют возлюбленных порядка ¼, а среди неженатых мужчин — 38%. Более того, 14% женщин и 19,3% мужчин в возрасте от 20 до 29 лет и 25,4% женщин и 26,5% мужчин в возрасте от 30 до 39 лет вообще не намерены вступать в брак. Те же, кто все-таки женятся и выходят замуж, делают это на 3–4 года позже, чем

¹³ Danjo kyo:do: sankaku hakusho 2022 (White Paper on Gender Equality 2022), p. 10. Cabinet Office https://www.gender.go.jp/about_danjo/whitepaper/r04/zentai/pdf/r04_tokusyu.pdf

прежде. В 2020 г. средний возраст невест составил 29,4 года, а женихов — 31 год¹⁴. Следует также отметить, что общую картину не меняет некоторый рост в последнее время числа гражданских (незарегистрированных) браков, так как их доля крайне низка (3–4%).

Приведенные выше данные говорят о том, что институт брака в Японии переживает непростые времена, а известный японский социолог М. Ямада вообще характеризует сложившуюся ситуацию как «кризис брака»¹⁵.

Не вдаваясь в детали, отметим лишь наиболее очевидные причины происшедших изменений. Во-первых, значительно повысился уровень образования японских женщин (сейчас уже более половины выпускниц школ высшей ступени продолжают образование в университетах), что не может не повышать их требований в отношении статуса и материального положения потенциальных мужей. Во-вторых, повысилась доступность для женщин мест постоянных работников с перспективой профессионального роста, что ставит их перед непростым выбором — карьера или семья, так как их совмещение часто оказывается невозможным. В-третьих, возросло число молодых людей брачного возраста, не имеющих постоянной работы. Если в 2006 г. доля непостоянных работников среди мужчин в возрасте 25–34 года составляла 6,0%, а их численность — 470 тыс. человек, то в 2019 г. — соответственно 14,5% и 830 тыс.¹⁶ И, наконец, значительная часть не состоящих в браке молодых японцев обоих полов просто не хочет обременять себя какими-либо обязанностями и терять свободу, тем более, что многие из них продолжают жить с родителями и наслаждаться комфортной, обеспеченной жизнью без дополнительных трат и хлопот. Так, например, одинокие 20–39-летние японки в качестве основных причин безбрачия назвали следующие: «хочу сохранить свободу» (48,9%), «не встретила подходящего человека» (48,8%), «не чувствую необходимости в формальном браке» (41,0%). А мужчин того же возраста удерживают от вступления в брак следующие

¹⁴ Danjo kyo:do: sankaku hakusho 2022 (White Paper on Gender Equality 2022), p. 6, 14, 49. *Cabinet Office* https://www.gender.go.jp/about_danjo/whitepaper/r04/zentai/pdf/r04_tokusyu.pdf

¹⁵ Yamada M. Kekkon kuraisisu. Chu:ryu: tenraku fuan (Crisis of marriage. Fears of falling out of the middle class). Tokyo, 2016.

¹⁶ Labour Force Survey 2006, table 4, 2019, table 1-4. *Statistics Bureau of Japan* <http://www.e-stat.go.jp/en/stat-search/files>

мотивы: «возникнет необходимость заботиться о семье, воспитании детей и т.д.» (38,6%), «хочу сохранить свободу» (37,0%), «не встретил подходящего человека» (36,2%), «нет уверенности в материальном положении» (36,0%)¹⁷.

Иными словами, институт брака как фактор социальной мобильности относительно утрачивает свои позиции. Тем не менее, он продолжает быть одним из элементов, структурирующих общество, и вопрос о том, на ком женятся японцы и за кого выходят замуж японки, не утрачивает своей актуальности.

Прежде всего, следует отметить, что за послевоенный период коренным образом изменилась модель заключения браков: если еще в 1970 г. около половины браков заключались по соглашению между родителями или родственниками молодых людей (*миаи*), то в последнее время доля *миаи* составляла порядка 5%, а около 90% — это «браки по любви».

За этими сдвигами стоят колоссальные изменения, происшедшие в японском обществе. Ослабело давление на поведение молодежи традиционных социальных норм, предписывавших, например, девушкам выходить замуж в 23–24 года, а юношам — подчиняться воле отцов, в том числе и в вопросах брака. Демократизация общественной жизни, усиление влияния на поведенческие установки молодежи западных ценностей привели к распространению в молодежной среде более свободных взглядов на вопросы любви и брака. Наконец, повышение уровня образования девушек, в частности, значительный рост их числа среди японских студентов, физически расширили пространство общения молодежи.

Если браки по типу *миаи* заключались в основном в пределах одной социальной группы, то «браки по любви» предполагают, что происхождение и социальное положение семей молодых людей перестают быть определяющим фактором, влияющим на их выбор. Однако в действительности дело обстоит несколько иначе.

Об этом позволяют судить данные (см. табл. 9, 10), в которых представлены результаты анализа материалов *The Japanese General Social Survey 2005 г.*, проведенного известным японским социологом Сирахасэ Савако.

¹⁷ Danjo kyodo: sankaku hakusho 2022 (White Paper on Gender Equality 2022), p. 55. Cabinet Office https://www.gender.go.jp/about_danjo/whitepaper/r04/zentai/pdf/r04_tokusyu.pdf

Таблица 9. Состав супружеских пар по уровню образования
(на момент заключения брака, %)

Уровень образования супруги	Уровень образования супруга			
	низкий	средний	высокий	Всего
низкий	64,1	31,8	4,1	100,0
средний	11,3	64,6	24,2	100,0
высокий	1,2	29,9	68,9	100,0

Источник: [Shirahase 2010, p. 72].

Таблица 10. Состав супружеских пар по виду профессии / роду занятий
(на момент заключения брака, %)

Профессия / род занятий супруги	Профессия / род занятий супруга				Всего
	специалист, управленец	рядовой служащий	фермер	синий воротничок	
специалист, управленец	33,8	40,8	1,9	23,5	100,0
рядовой служащий	14,1	48,7	2,0	35,2	100,0
фермер	2,7	9,6	56,2	31,5	100,0
синий воротничок	6,7	19,6	5,2	68,5	100,0

Источник: [Shirahase 2010, p. 75].

Как показывают данные табл. 9, для всех трех групп характерно явное преобладание пар с одинаковым уровнем образования. Схожую картину представляют и данные табл. 10: значительная часть пар на момент заключения брака имели примерно одинаковые статусные позиции. В целом же, по мнению С. Сирахасэ, усиление значения личных достижений человека и снижение роли его социальных корней, происшедшие в ходе послевоенного развития, привели к тому, что при заключении браков уровень образования стал превалировать над социальным происхождением — даже в наиболее высоких статусных группах [Shirahase 2010, p. 66].

Из этого тезиса можно было бы сделать вывод, что институт брака, прежде консервировавший социальную структуру, стал одним из факторов ее подвижности. Однако этот вывод верен лишь отчасти. Ведь из-за структурированности системы школьного и высшего образования, зависимости возможностей получения хорошего образования от социально-экономического положения семьи формально одинаковый уровень образования (например, высшее) имеют лица, попадающие в разные социальные ниши. И, как правило, эти ниши заполняются людьми, имеющими схожие социальные корни. Иными словами, сохранение иерархичности и структурированности японской системы образования в определенной степени ограничивает подвижность социальной структуры, объективную основу для которой создает превращение уровня образования партнера в главный критерий при заключении браков.

Заключение

В плане возможностей для социальной мобильности, т. е. передвижения людей из низших страт в более высокие, сложившуюся в Японии ситуацию в целом можно охарактеризовать как достаточно благоприятную. Хотя очевидно, что в рамках сформировавшейся в стране системы социальной стратификации жизненные пути выходцев из разных страт складываются по-разному, тем не менее, благодаря целому ряду факторов миллионам японцев удалось передвинуться вверх по социальной лестнице и не только улучшить свое материальное положение, но и повысить социальный статус. А благоприятную макросреду для этих процессов создавало быстрое повышение уровня социально-экономического развития страны, ее превращение в социально-ориентированное государство.

Анализ проблемы межпоколенческой мобильности по трем основным параметрам социальной стратификации — уровню дохода, социальному статусу и уровню образования — с точки зрения возможностей преодоления социально-экономического неравенства в последующих поколениях позволил сделать следующие выводы. Во-первых, благодаря перераспределению доходов через систему социального обеспечения и налогообложения, а также относительно небольшому разрыву в оплате труда

между работниками разного уровня квалификации неравенство по доходам удерживается на уровне, поддерживающем социальную мобильность по доходу.

Во-вторых, сдвиги в профессиональной структуре занятых в направлении повышения доли более престижных профессий и значительный рост абсолютного числа обладателей этих профессий создали объективные условия для передвижения тысяч молодых людей, в том числе и из низших страт, в более высокие статусные группы. В-третьих, демократизация системы образования, облегчение доступа молодых людей из разных социальных страт к хорошему образованию предоставляют шансы оторваться от социальных корней и продвинуться вверх по социальной лестнице все большему числу молодых японцев. К этому следует добавить, что и демократизация института брака, проявлением которой стало повышение значения при выборе партнера уровня его образования и отход на второй план вопроса о его социальных корнях, также в какой-то мере способствовала усилению подвижности социальной структуры. Однако сказанное выше не означает, что социально-экономическое положение семьи перестало оказывать влияние на судьбу человека. По всем трем параметрам стратификации обнаруживаются свидетельства сохранения этого влияния — «передача богатства» и «передача бедности», наследование профессии и социального статуса отца, влияние социально-экономического положения семьи на выбор учебных заведений и т. д. При этом главным фактором, сдерживающим межпоколенческую социальную мобильность, является иерархичная структура системы образования, которая еще со школьной скамьи распределяет японцев по разным нишам — и не только с учетом их способностей, но и в соответствии с социально-экономическим положением их семей.

References

Kariya, T. (2017). Understanding Structural Changes in Inequality in Japanese Education. In D. Chiavacci and C. Hommerich (eds.), *Social Inequality in Post-Growth Japan: Transition During Economic and Demographic Stagnation*. Routledge.

Sannabe, A. (2015). Occupational Inheritance: Impact on Long-Term Worklessness and Unemployment, Human Networks and Happiness. *Japan Labor Review*, 12 (3). Retrieved July 18, 2022, from https://www.jil.go.jp/english/JLR/documents/2015/JLR47_all.pdf

Sato, Y., Yoshida, T. (2008). An Empirical Study of Intergenerational Transmission of Poverty from the Perspective of Income Mobility. *Japan Labor Review*, 5 (4).

Sato, Y. (2017). Institutions and actors in the creation of social inequality. In D. Chiavacci and C. Hommerich (eds.), *Social Inequality in Post-Growth Japan: Transition During Economic and Demographic Stagnation*. Routledge.

Shirahase, S. (2010). Marriage as an Association of Social Classes. In H. Ishida and D. Slater (eds.), *Social Class in Contemporary Japan*. London.

Tachibanaki, T. (2010). *Nihon-no kyōiku kakusa* [The Disparities in Japanese Education]. Tokyo. (In Japanese).